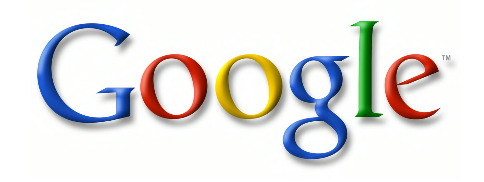

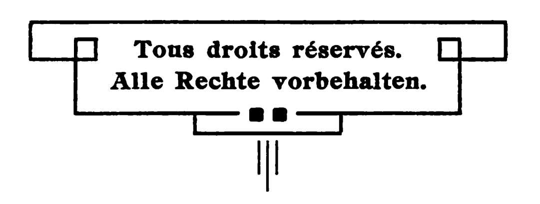
Кн. ГРИГОРІЙ ВОЛКОНСКІЙ.

ЗАПИСКА

въ редакцію газеты „Право“

по поводу

процесса М. А. Стаховича противъ кн. В. П. Мещерскаго.

1905

ИЗДАНІЕ
ГУГО ШТЕЙНИЦА
БЕРЛИНЪ.

VERLAG
HUGO STEINITZ
BERLIN SW.

* * *

Сущность процесса извѣстна. Кн. В. П. Мещерскій, редакторъ „Гражданина“, независимый и своеобразный по складу мысли публицистъ, десятки лѣтъ боровшійся за отжившія государственныя идеи, въ который онъ вѣрилъ, сталъ на старости лѣтъ жертвою своей партійной нетерпимости и личной непріязни къ Орловскому губернскому предводителю дворянства камергеру М. А. Стаховичу, одному изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей умѣренно-либеральнаго направленія. Кн. Мещерскій съ непонятною опрометчивостію напалъ въ своей газетѣ на г. Стаховича, наговорилъ про него, въ пылу увлеченія, всякихъ несуразностей и, д. б. изъ самолюбія, не захотѣлъ ихъ взять обратно, несмотря на полученныя отъ меня опроверженія; онъ продолжалъ свое молчаніе подъ угрозою процесса, д. б. убѣжденный въ долговѣчности министерства г. Плеве и разсчитывая, что мой голосъ не проникнетъ ни въ русскій судъ, ни въ русскую печать.

Я не касаюсь здѣсь подробностей процесса, о которомъ достаточно писалось въ нашей печати (подробное его описаніе находится въ № 48 „Права“). Всѣ газеты говорили, что на судѣ читалось мое письмо къ кн. Мещерскому, а нѣкоторыя упомянули, что я представилъ въ судъ „пространную записку“; но содержаніе письма и записки осталось для русской публики неизвѣстнымъ. Ввиду этого я печатаю мою записку, которая, въ моемъ предположеніи должна была имѣть болѣе широкое значеніе.

Въ Приложеніе вошли письма, на которыя я ссылаюсь, а также мои возраженія на статьи „Гражданина“ обо мнѣ. Кн. Мещерскій, видимо, не можетъ мнѣ простить предъявленія въ судъ вещественныхъ доказательствъ, послужившихъ къ его осужденію; онъ всячески поноситъ меня, обзываетъ меня воромъ, а равно умышленно искажаетъ мои слова и дѣйствія, или просто печатаетъ обо мнѣ го-

лословные вымыслы, съ цѣлью ввести своихъ читателей въ заблужденіе. Хочется привести ему въ отвѣтъ одно изъ изрѣченій лорда Даллинга: „You cannot do anyone more good than by trying unsuccessfully to do him an injury"*). — Въ Примѣчаніяхъ найдутся мысли и данныя, не имѣющія непосредственнаго отношенія къ процессу: я воспользовался этой брошюрой чтобы поговорить съ тѣми, кто желаетъ меня слушать, предпочитая писать здѣсь, чѣмъ прибѣгать къ повременной печати.

Настоящій процессъ положилъ конецъ таинственному вліянію кн. Мещерскаго, который возбудилъ противъ себя всеобщее неудовольствіе гл. обр. тѣмъ, что сумѣлъ снискать себѣ нѣкоторое довѣріе покойнаго Государя, а затѣмъ и Императора Николая II. — Объ этомъ сожалѣли въ широкихъ кругахъ публики ввиду извѣстнаго ретоградства кн. Мещерскаго и ввиду его не совсѣмъ хорошей репутаціи. — Но и г. Муравьевъ затронутъ моей запиской, которую окружной судъ не могъ не присоединить къ дѣлу; уходъ г. Муравьева изъ министерства Юстиціи обрадовалъ всѣхъ, чье сердце болѣетъ за это вѣдомство.

---

*) „Вы не можете оказать человѣку большей услуги, чѣмъ безуспѣшно стараясь ему повредить." Maxims. The Nineteenth Century. August 1904.

I.

„I. В. Гессену и В. Д. Набокову въ редакцію газеты „Право“. Звенигородская, 22, С.-Петербургъ.

Милостивые Государи,

Прилагаемую записку по дѣлу г. Стаховича и кн. Мещерскаго надѣюсь видѣть напечатанною въ „Правѣ“, а равно уполномочиваю Васъ огласить ее на судѣ.

Примите и пр.

Отставной коллежскій регистраторъ
князь Григорій Михаиловичъ Волконскій.

Г. Ментона.
9/22 Ноября 1904 г.

№ 131.

Императорское Россійское Вице-Консульство симъ удостовѣряетъ подлинность на оборотѣ сего стоящей подписи отставного Коллежскаго Регистратора Князя Григорія Михаиловича Волконскаго.

Вице-Консулъ: Н. Юрасовъ.

Г. Ментонъ.
9/22 Ноября 1904 г.

(М. П.)
Пошлины 8 фр.“

II.

„Къ процессу Стаховича противъ кн. Мещерскаго.

Записка кн. Г. М. Волконскаго въ редакцію газеты „Право“ на имя І. В. Гессена и В. Д. Набокова. Звенигородская 22, С.-Петербургъ.

Милостивые Государи,

Узнавъ, что процессъ М. А. Стаховича противъ князя В. П. Мещерскаго назначенъ на 22 Ноября 1904 г., я прошу Васъ напечатать настоящую записку въ ближайшемъ № „Права“.

Прежде всего прошу воспроизвести копію съ письма, посланнаго мною въ свое время редактору „Гражданина“, т. к. ни кн. Мещерскій, ни редакторъ „Руси“ (къ которому я тоже обратился съ письмомъ отъ 11 Мая нов. ст.) моего заявленія не напечатали. — Копія съ моего письма была, однако, напечатана въ № 46 „Освобожденія“ отъ 18 Апр. (1 Мая) 1904 г.; замѣтку по этому поводу напечатала затѣмъ берлинская газета „Vossische Zeitung“ 20 Мая 1904 г. — Вотъ это письмо:

14/27 Апрѣля 1904 г.
г. Ментона.

Милостивый Государь, г. Редакторъ!

Въ № 28 „Гражданина“ (отъ 8-го Апрѣля 1904 г.) Вы обрушиваетесь на М. А. Стаховича за фактъ появленія текста одной его статьи — „Старая Исторія“, предназначавшейся для легальной печати, — въ „Освобожденіи“, обвиняя при этомъ г. Стаховича въ сотрудничествѣ въ „революціонномъ“ журналѣ.

Считаю своимъ долгомъ высказать Вамъ, Князь, слѣдующее: текстъ названной статьи былъ доставленъ въ редакцію „Освобожденія“ мною, и я публично заявляю, что г. Стаховичъ совершенно не причастенъ ни этому факту, ни тому, что его статья, въ томъ или другомъ видѣ, дошла до меня. Я-же за свои дѣйствія отвѣчаю предъ моею совѣстью и предъ моимъ Государемъ.

Такимъ образомъ Вы согласитесь теперь, что нападки Ваши на М. А. Стаховича несправедливы по существу и не должны были бы имѣть мѣста.

Что-же касается до „Освобожденія", то позвольте мнѣ сказать, что изданіе это не станетъ „революціоннымъ" только оттого, что Вы, Князь, на него такъ смотрите, — какъ въ свое время не стали-же революціонными учрежденіями Редакціонныя Комиссіи по освобожденію крестьянъ только оттого, что онѣ считались таковыми нашими ретроградами.

Примите, Князь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

Князь Григорій Михаиловичъ Волконскій.

Письмо это было послано кн. Мещерскому заказнымъ, съ просьбой его напечатать (росписку прилагаю). Хотя мое знакомство съ кн. В. П. Мещерскимъ ограничивается тѣмъ, что я встрѣтился съ нимъ однажды, лѣтъ 20 тому назадъ, въ домѣ кн. Э. Э. Ухтомскаго, я полагалъ что эта встрѣча, въ связи съ самою элементарною добропорядочностію публициста побудятъ редактора „Гражданина" возстановить истину. Желая скорѣе остановить возможныя новыя выходки кн. Мещерскаго противъ г. Стаховича, я на слѣдующій день (15/28 Апрѣля) послалъ ему, за своею подписью, еще депешу: Stahovitch nullement mêlé Osvobojdénié, lettres suivent (росписку прилагаю). — Но кн. Мещерскій, какъ Вамъ извѣстно, оставилъ мое заявленіе безъ вниманія.

По этому поводу желаю сказать Вамъ нѣсколько словъ. Дѣло Стаховича касается меня очень близко, во 1) по существу, такъ какъ П. Б. Струве, редакторъ „Освобожденія", получилъ текстъ статьи г. Стаховича отъ меня, а во 2) по своему принципіальному характеру.

Въ свое время я извѣстилъ г. Стаховича (съ которымъ я не видѣлся лѣтъ двадцать) и его адвоката, прис. пов. В. А. Маклакова, о томъ, что я готовъ, если мои частныя дѣла позволятъ, пріѣхать дать мои показанія на судѣ; въ письмѣ къ г. Маклакову я поспѣшилъ также опровергнуть напечатанное кн. Мещерскимъ заявленіе будто „рукопись" г. Стаховича очутилась въ редакціи „Освобожденія"; никакой рукописи г. Стаховича я не видѣлъ, это просто плодъ воображенія кн. Мещерскаго. „Vossische Zeitung" уже напечатала (20 Мая), что я послалъ въ „Освобожденіе" статью г. Стаховича въ видѣ корректурнаго листа; это совершенно справедливо; но я никогда не говорилъ, и теперь не утверждаю,

что этотъ листъ исходилъ изъ редакціи „Права"; для подобнаго утвержденія я долженъ былъ-бы имѣть возможность сличить вышеупомянутый оттискъ съ оттисками „Права". — Кн. Мещерскій не могъ имѣть ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ искренности редакціи „Освобожденія", заявлявшей (по моей просьбѣ), что она печатаетъ „статью г. Стаховича безъ всякаго не только участія, но даже разрѣшенія со стороны автора и редакціи „Права" (см. „Освобожденіе" № 44). Почему редакторъ „Гражданина" пренебрегъ этими строками и исказилъ предъ своими читателями положеніе дѣла? Почему кн. Мещерскій не захотѣлъ возстановить истину и пренебрегъ моимъ письмомъ? Почему онъ во-время не извинился предъ г. Стаховичемъ? . .*).

Теперь перехожу къ принципіальной сторонѣ этого дѣла, побудившей меня принять въ немъ участіе. Мнѣ было-бы весьма легко огласить статью г. Стаховича, не выступая лично; наконецъ, статья г. Стаховича могла-бы дойти до „Освобожденія" и помимо меня; но я желалъ оставить право голоса за собою, вотъ поэтому-то я и послалъ статью Стаховича въ „Освобожденіе", поэтому я не скрылъ своего поступка и поэтому я и теперь не называю лица, сообщившаго мнѣ о продѣлкѣ нашего цензурнаго вѣдомства. Подпись г. Стаховича имѣла для меня второстепенное значеніе, но вся сущность вопроса заключалась въ томъ, что цензура поступила **противузаконно,** не пропустивъ статью г. Стаховича и я считалъ необходимымъ вывести это наружу, и тѣмъ обратить на это вниманіе Верховной Власти, общества и европейской печати. А кн. Мещерскій неожиданно начудилъ и, доведя дѣло до суда, оказалъ мнѣ огромную услугу.

Поставивъ цѣлью моей публицистической дѣятельности содѣйствовать по мѣрѣ силъ водворенію въ Россіи законности — единственной гарантіи порядка и свободы, — я не могъ не воспользоваться поступкомъ, или вѣрнѣе проступкомъ цензоровъ, служившихъ покойному г. фонъ-Плеве. — Въ иностранныхъ государствахъ заботы о правильномъ теченіи жизни приводятъ къ пересмотру законодательства, у насъ-же на Руси, первымъ дѣломъ заботятся объ усиленіи

*) См. Приложеніе 1-ое.

власти; очевидно, однако, что власть, обходящая законъ, можетъ породить только усиленіе безпорядка и классическую въ Россіи смуту. То, что замѣчается въ общихъ вопросахъ управленія, происходитъ и въ вопросахъ, касающихся цензуры, гдѣ вліяніе министра Внутр. Дѣлъ совершенно отстраняетъ и безъ того тяжелые законы о печати. (А до чего неразвиты наши цензоры, явствуетъ, напр., изъ слѣд. факта: пять лѣтъ тому назадъ цензура прислала обратно въ издательскую фирму Kündig'а, въ Женевѣ, экземпляръ моей брошюры „Pour les Boers, contre l'Impérialisme" съ помѣтками противъ подозрительныхъ мѣстъ; вездѣ было подчеркнуто слово impérialisme, понятое цензорами въ смыслѣ верховной власти русскаго императора!)

Мнѣ казалось особенно важнымъ поднять „дѣло Стаховича" именно теперь, когда желаніе Государя о томъ, что-бы „печать говорила правду" стало общеизвѣстнымъ. На это я и указывалъ въ моемъ открытомъ письмѣ на имя Министра Императорскаго Двора Ген.-Ад. Барона Фредерикса, заканчивая его слѣдующими словами*): „Нашумѣвшее дѣло о статьѣ М. А. Стаховича, незаконно остановленной нашей цензурой, достаточно доказываетъ, что долго еще въ русскихъ газетахъ нельзя будетъ писать правду, такъ какъ низшія власти идутъ наперекоръ закону и Высочайшей волѣ, выраженной представителямъ печати при пріемѣ г.г. Суворина и Столыпина". (См. „Освобожденіе" № 47, 2/15 Мая 1904 г., также замѣтки въ „Neue Freie Presse" 3 Іюня, въ „Berliner Tageblatt" 11 Іюня и въ „Dziennik Poznański" 18 Сентября того-же года. — Въ названномъ письмѣ, какъ Вы д. б. помните, я просилъ Барона Фредерикса „защитить семью Чеботарёвыхъ отъ низкой мстительности г.г. Плеве и Муравьева".) — Но не одни министры заправляютъ повременной печатью; извѣстна преждевременная кончина г. Фалька (редактора „Сѣвернаго Края"), положительно затравленнаго г. Штюрмеромъ, который доносилъ про него, что хотя самъ Фалькъ человѣкъ безобидный, но находится подъ вліяніемъ Дмитрія Шаховскаго, и что поэтому его газета революціонная! Фалькъ говорилъ въ Петербургѣ г. Звѣреву, что онъ

---

*) *Примѣчаніе къ настоящему изданію:* См. въ концѣ брошюры Приложеніе 3-ье.

не нарушилъ ни одного пункта цензурнаго устава, на что Звѣревъ отвѣтилъ: „Это намъ извѣстно, но Штюрмеръ находитъ, что тонъ газеты неблагонадежный и что если кн. Дмитрій Шаховской будетъ оставаться въ редакціи, то расширеніе программы не будетъ допущено.“ (Правъ былъ профессоръ Котляревскій, сказавъ друзьямъ на похоронахъ Фалька, что счетъ за нихъ можно послать Штюрмеру). — Безъ свободы печати невозможно защититься отъ произвола администраціи. (Мнѣ разсказывали, что Уфимскій Губернаторъ ген.-маіоръ Соколовскій, потребовавъ къ себѣ одного фельдшера, державшаго хорошихъ лошадей, далъ ему сто рублей и сказалъ, чтобъ тотъ продалъ ему за эти деньги тройку лошадей и экипажъ; уфимцы сжалились надъ фельдшеромъ, сложились и преподнесли ему для С—аго все, что послѣдній требовалъ. Мѣстная газета отказалась напечатать объ этомъ удивительномъ случаѣ даже „подъ видомъ басни“. Не знаю, похвасталъ-ли г. С—ій своею тройкой въ пріѣздъ Государя въ Уфу; за порядокъ въ городѣ онъ удостоился Высочайшей благодарности.) Взяточничество и вообще масса злоупотребленій остаются скрытыми, благодаря чему господа, какъ Клейгельсъ и Штюрмеръ достигаютъ назначенія въ генералъ-адъютанты или въ члены Государственнаго Совѣта.*) — Такимъ образомъ,

---

*) *Примѣчаніе къ настоящему изданію:* О ген. Клейгельсѣ я уже писалъ; пользуюсь случаемъ, чтобы прибавить нѣсколько данныхъ: На охрану города градоначальнику выдается по 100,000 руб. въ годъ. Однажды ф.-Плеве о нихъ спохватился и спросилъ, гдѣ деньги, неужели дѣла такъ плохи? ген. Клейгельсъ отвѣтилъ, что перевелъ деньги въ свою канцелярію, но что можетъ ихъ вернуть, если это министру пріятно — и вернулъ. Управляющимъ канцеляріей у него состоялъ нѣкто г. Кескевичъ, на руки зѣло не чистый. Такъ, съ брандъ-маіора Кирилова онъ бралъ ежегодный налогъ въ 2,000 руб., подъ угрозой лишить его мѣста; брандъ-маіоръ не выдержалъ и написалъ раппортъ бывшему товарищу министра Вн. Дѣлъ Зиновьеву (нынче членъ Госуд. Сов.), гдѣ объяснялъ, что остающіяся за этимъ вычетомъ 4,000 р. ему положительно недостаточны. Несмотря на это, Кескевичъ былъ удаленъ только послѣ назначенія ген. Клейгельса въ Кіевъ; только тогда В. Э. Фришъ (помощникъ градоначальника, человѣкъ, какъ меня увѣряли, порядочный, но дорожащій своимъ мѣстомъ) рѣшился убрать Кескевича, который, кажется, нашелъ уже дорогу въ Кіевъ. Мнѣ обо всемъ этомъ говорилъ покойный П. М. Азанчевскій-Азанчеевъ, бывшій

не одни только интересы печати и общества страдаютъ отъ нашей цензуры, но интересы самого государства требуютъ измѣненія положенія въ Россіи печатнаго слова.

Мнѣ сдается, что инцидентъ со статьей Стаховича будетъ имѣть въ этомъ отношеніи хорошее послѣдствіе. Согласитесь, что статья кн. Е. Трубецкаго („Война и бюрократія") никогда не была-бы пропущена, еслибъ администрація не опасалась новаго съ моей стороны разоблаченія.

Очевидно, однако, что успѣшная борьба съ злоупотребленіями властей будетъ возможна лишь тогда, когда Россія перейдетъ къ законно-правовому порядку, какъ къ единственной формѣ правленія, обезпечивающей твердую законность. Подъ этимъ законно-правовымъ порядкомъ я понимаю тотъ

непремѣнный членъ особаго по городскимъ дѣламъ присутствія; онъ читалъ раппортъ брандъ-маіора вмѣстѣ съ г. Зиновьевымъ.

Г. Азанчевскій скончался въ Ментонѣ, весною 1904 г., отъ болѣзни печени, сильно развившейся благодаря преслѣдованіямъ, которымъ онъ подвергался со стороны ген. Клейгельса. Азанчевскій былъ прекраснымъ человѣкомъ; онъ три трехлѣтія прослужилъ предводителемъ дворянства въ Моложскомъ уѣздѣ Яр. губ.; школы и дороги удвоились за его время, крестьяне его любили. Въ Петербургѣ онъ очутился въ невозможной атмосферѣ аферистовъ, окружавшихъ Клейгельса; Аз. говорилъ мнѣ, что настаивалъ на принятіи просителей только въ кабинетѣ г. Фриша, не желая принимать ихъ съ глазу на глазъ; одинъ представитель иностранной фирмы телефоновъ тогда не пришелъ вовсе. Затѣмъ, онъ настоялъ чрезъ г.г. Плеве и Зиновьева, чтобъ городскія дѣла поступали къ нему, а не къ Кескевичу; тогда-то Клейгельсъ началъ его „травить", вызывая по ночамъ, говоря ему дерзости; наконецъ, Аз. объявилъ ему, что служить съ нимъ больше не можетъ. Прибавлю, что послѣ 200 лѣтняго юбилея Петербурга Аз. былъ обойденъ наградой.

О г. Штюрмерѣ припомню, что онъ безъ всякой надобности выхлопоталъ у Сипягина охранное положеніе для Ярославской губ. — За это время полиція засадила однажды сына богатаго купца Кл-ва, давъ понять, что объявитъ его неблагонадежнымъ, если не будетъ представленъ выкупъ; отецъ разсердился, сказалъ, что ничего не дастъ, и сына выпустили. — Къ стати, если г. Штюрмеръ поѣдетъ что либо ревизовать, совѣтую закатить ему обѣдъ: тогда ревизіи не будетъ; такъ поступули по отношенію къ нему ржевцы. Теперь г. Штюрмеръ, съ ген. Альтфатеромъ, засѣдаетъ въ Гос. Сов. — Точно это учрежденіе стало пожизненнымъ участкомъ для высокопоставленныхъ лицъ? . . .

государственный строй, который установится въ Россіи тогда, когда въ основные законы Имперіи будутъ включены четыре группы юридическихъ нормъ, которыми русскимъ гражданамъ гарантировались-бы слѣдующія права:

1) **Права личности,** а именно: свобода совѣсти, слова, печати, собраній, союзовъ, передвиженій; неприкосновенность частной собственности и свобода личности (т. е. право не быть задержаннымъ иначе какъ по распоряженію прокуратуры и не быть наказаннымъ иначе какъ по приговору суда); равноправность предъ закономъ. — Нѣкоторыя ограниченія въ пользованіи правами личности могутъ быть обусловлены потребностями времени, но принципы должны остаться незыблемы.

2) **Право участія чрезъ выборныхъ въ законодательствѣ.** — Чтобъ закону слѣдовали, нужно что-бъ его уважали; для сего нужно, что-бъ законъ отвѣчалъ потребностямъ населенія; только лица, свободно избранныя населеніемъ, съ обезпеченными за ними правами личности, могутъ знать его интересы и представить точный ихъ перечень.

3) **Право участія въ выработкѣ и установленіи бюджета.** — Безъ общественнаго контроля порядокъ въ финансахъ немыслимъ и только заявленіе самимъ населеніемъ своихъ потребностей можетъ привести къ построенію бюджета гармонирующаго съ его истиными потребностями и соотвѣтствующаго платежнымъ силамъ страны.

4) Право **контроля** надъ програмною и административною дѣятельностію министровъ, отвѣчающихъ за себя и за своихъ подчиненныхъ. — Контроль палатъ надъ министрами не исключаетъ отвѣтственности министровъ предъ Монархомъ.

Затѣмъ, Монархъ, при вступленіи на престолъ, присягалъ-бы основнымъ законамъ Имперіи*).

---

*) *Примѣчаніе къ настоящему изданію.* Совокупность перечисленныхъ здѣсь правовыхъ нормъ представляетъ **принципіальную** программу политической реформы, которая приведетъ къ цѣлому ряду новыхъ установленій и процедуръ управленія; помощію сихъ послѣднихъ станетъ возможно осуществить прикладныя реформы. У насъ часто смѣшиваютъ эти области права, — то оппозиція выставляетъ программы, въ которыхъ вопросы о 8-и часовомъ рабочемъ днѣ или о

Въ моемъ всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 10 Апрѣля нов. ст. 1903 г. мною были предложены предварительныя мѣры для послѣдовательнаго перехода, къ этой законодательной работѣ. (Названное письмо было мною доставлено Е. И. В. В. Кн. Владиміру Александровичу 11 Апрѣля 1903 г. въ Ниццѣ; текстъ этого письма былъ опубликованъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ иностранныхъ газетахъ, а русскій его текстъ Вы найдете въ № 34 „Освобожденія“.)*) Вотъ эти мѣры,— изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ отмѣна тѣлеснаго наказанія и незначительныя облегченія участи „политическихъ“ недавно осуществились:

1. Слѣдуетъ немедленно уволить сановниковъ, министровъ и ихъ товарищей, стѣною обступившихъ Престолъ и мѣшающихъ единенію царя съ съ народомъ, и замѣнить ихъ людьми молодыми, съ широкими взглядами, понимающими, что государство

подоходномъ налогѣ ставятся въ уровень съ вопросами представительства, правъ личности или даже формы правленія; — то правительство, ссылаясь на манифесты, устраиваетъ диверсію изъ политической сферы въ экономическую, — тоже своего рода „манифестація“ въ пустую. Оппозиція забываетъ, что многія соціальныя и экономическія условія обставлены въ иныхъ маленькихъ аристократическихъ государствахъ Германіи гораздо лучше, чѣмъ въ „демократической“ Французской Республикѣ (вопросы: фабричный, страхованія рабочихъ, желѣзнодорожный, прогрессивнаго подоходнаго налога), а наши бюрократы все какъ будто не понимаютъ, что улучшеніе соціальныхъ и экономическихъ условій немыслимо безъ извѣстнаго минимума политическихъ правъ. Въ одной изъ послѣдующихъ брошюръ я коснусь **прикладной** программы; я скажу, почему я стою за монархическій образъ правленія, почему я нахожу, что титулъ Самодержца долженъ остаться за русскими царями, почему я считалъ бы полезнымъ, чтобы въ высшей палатѣ находился также наслѣдственный элементъ, который составилъ бы около 15% ея состава . . . Послѣдній указъ Сенату обѣщаетъ реформы, входящія въ первую часть моего Дармштадтскаго прошенія (о правахъ личности) и то не полностію. Несомнѣнно, однако, что разъ эти права будутъ установлены за гражданами, неизбѣжно явится спросъ на остальныя, а затѣмъ и переходъ къ представительному образу правленія: въ большомъ государствѣ, какъ Россія, это совершенно необходимо. Россія, вѣдь, не Мекленбургъ-Шверинъ, гдѣ возможно, съ грѣхомъ по-поламъ, удержаться на правахъ личности, не прибѣгая къ парламентаризму въ чистой его формѣ; наконецъ, внѣшняя политика маленькаго Мекл.-Шверина поглощена конституціонной Германіей.

*) *Примѣчаніе къ настоящему изданію:* См. въ концѣ этой брошюры Приложеніе 2-ое.

держится не бюрократіей, а общественной и частной иниціативой. Такіе люди въ Россіи есть, и къ нимъ должно отнестись съ довѣріемъ. Эта мѣра сразу вернетъ Верховной Власти довѣріе подданныхъ.

2. Вторая мѣра будетъ заключаться въ объявленіи указовъ о реформахъ, объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, уравненіи крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, объ отмѣнѣ административной ссылки и амнистіи сосланныхъ, объ облегченіи цензуры и проч.

3. Третья мѣра — это обнародованіе Высочайшаго манифеста, предупреждающаго подданныхъ о томъ, что Сенатъ вскорѣ опубликуетъ постановленіе о созывѣ въ столицѣ Земскаго Собора.

Прибавлю, что я предлагалъ предпослать созыву Земскаго Собора созывъ соборовъ помѣстныхъ, вродѣ соединенныхъ земскихъ собраній, раздѣливъ государство на извѣстные районы, дабы дать возможность земцамъ и мѣстнымъ людямъ (гдѣ земства нѣтъ) ближе сойтись и выбрать изъ своей среды самыхъ дѣльныхъ представителей для Земскаго Собора, который не долженъ быть черезчуръ многолюднымъ. Земскій Соборъ, вмѣстѣ съ представителями правительства, замѣнилъ-бы у насъ Учредительное Собраніе и выработалъ-бы основные законы, которые, одобренные и утвержденные Монархомъ, стали-бы тѣми гарантіями, въ которыхъ заключается вся сущность законно-правового порядка. Этотъ государственный строй вовсе не противорѣчитъ духу русскаго народа и не расходится съ историческими его традиціями; подробно все это будетъ мною развито въ статьѣ, которая скоро появится въ „Neue Freie Presse“ и на которую я просилъ-бы Вашу редакцію обратить вниманіе*). Я въ ней хочу исторически обосновать строки, написанныя мною на томъ экземплярѣ моей брошюры о современномъ положеніи Россіи, который былъ представленъ Его Величеству Министромъ Императорскаго Двора:

„Я полагаю, — писалъ я, что реформа перехода къ представительному образу правленія должна въ Россіи совершиться с в е р х у, какъ шло въ свое время освобожденіе крестьянъ; въ этомъ и скажется исторически выработанная бытовая особенность нашей націи; с а м о д е р ж а в і е, по моему мнѣнію, возникло лишь благодаря желанію возвеличить помощію религіи

---

*) *Примѣчаніе къ настоящему изданію*: Статья эта полностію появится отдѣльной брошюрой: „Самодержавіе и русская исторія“.

сильную централизованную власть и оно перенесено къ намъ изъ Византіи гораздо позже христіанства; и не самодержавіе выработала русская народность, а непоколебимую вѣру народа въ Царя, — какъ защитника противъ этой, необходимой въ свое время, всепоглащающей власти правительства; съ этой вѣрой народа надо считаться и я полагаю, что нахожусь на строго исторической почвѣ". — „Смута, — писалъ я далѣе, прекратится лишь тогда, когда Царь самъ, наконецъ, заявитъ, что Онъ счастливъ и гордъ царствовать надъ свободнымъ народомъ."

Приложеніе: росписки заказного письма отъ 14/27 Апр. и депеши отъ 15/28 Апр. 1904 г. къ кн. Мещерскому.

Отставной коллежскій регистраторъ
князь Григорій Михаиловичъ Волконскій.

9/22 Ноября 1904 г.
г. Ментона."

(Слѣдуетъ удостовѣреніе подлинности моей подписи за № 134.)

III и IV.

Двѣ депеши.

1)

France Menton Hôtel Russie, Prince Volkonsky.

Menton Moscou 9917 9 9 HM'.

Meschtschersky condamné grâce à votre lettre.
Maklakoff.

---

2) Изъ Ментоны, отъ 12 Дек. нов. ст. за № 487:

Sa Majesté Empereur de Russie, Pétersbourg.

Cause involontaire de la condamnation du prince Wladimir Mechtersky je demande respectueusement la permission de solliciter auprès de Votre Majesté Impériale sa grâce.

Prince Grégoire Volkonsky.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

сталъ размышлять надъ этимъ заявленіемъ о князѣ Волконскомъ, я совсѣмъ втупикъ сталъ отъ недоумѣнія: что могъ такой дутый пустякъ прибавить обвинительной или оправдательной силы? Признаться, я совсѣмъ позабылъ, получалъ-ли я телеграмму отъ князя Волконскаго, но смутно помню, что я получилъ письмо за его подписью; но такъ какъ я получаю много писемъ, то, по старой привычкѣ, прежде чѣмъ читать письмо, я смотрю на ничало письма и на подпись. Помню, что въ началѣ увидѣлъ сочувственныя словя о Стаховичѣ и, перевернувъ листъ, увидѣлъ подпись: „кн. Григ. Волконскій", и бросилъ это письмо, такъ что сущности письма, заявленія, что онъ передалъ статью г. Стаховича въ „Освобожденіе", я не прочелъ. Вотъ правда; но допустимъ, что я лгу, что я прочелъ все письмо князя Волконскаго. Пусть найдется Эдипъ, который объяснитъ мнѣ, что это заявленіе, полученное мною послѣ моихъ двухъ „Дневниковъ", измѣняетъ хоть на іоту суть дѣла и степень моей виновности.

(Странно, что размышленія Кн. Мещерскаго не навели его на мысль напечатать мое письмо (нарочно для сего написанное въ самомъ умѣренномъ по отношенію къ редактору „Гражданина" тонѣ) и заявить свою ошибку. Я напомню здѣсь кн. В. П. Мещерскому нѣсколько подробностей: Послѣ моей депеши отъ 15/28 Апр. кн. Мещерскій получилъ мое заказное письмо отъ 14/27-го. Въ этомъ письмѣ онъ не могъ не найти мою французскую визитную карточку, съ написанными на ней словами: „J'espère, mon prince, que Vous trouverez juste et équitable de publier la lettre ci-jointe"; а на слѣдующій день кн. Мещерскій, конечно, получилъ мое незаказное письмо отъ 15/28 Апрѣля, въ которомъ я просилъ его только замѣнить выраженія своей и своимъ болѣе правильными: моей и моимъ. — (Я не упомянулъ объ этомъ въ судѣ, такъ какъ второе письмо не было заказнымъ). Да и „переворачивать листъ" кн. Мещерскому не приходилось: все письмо я помѣстилъ на первой страницѣ. — И все-то это кн. Мещерскій или забылъ, или помнитъ „смутно"; во истину, смутно то время, въ которое мы живемъ!...)

Я сказалъ г. Стаховичу: дайте мнѣ честное слово, что вы не посылали статьи вашей въ „Освобожденіе". Онъ отказался дать мнѣ честное слово и предпочелъ обратиться къ суду; а въ судѣ мнѣ заявляютъ, что я потому виновенъ въ клеветѣ, что утаилъ письмо князя Волконскаго.

(Кн. Мещерскій долженъ былъ или доказать свои обвиненія или взять ихъ назадъ, а требовать честнаго слова не имѣло смысла.)

Да письмо-то князя Волконскаго было о чемъ? О томъ, что онъ доставилъ статью изъ Петербурга въ Лейпцигъ редактору „Освобожденія"? Нѣтъ! Ибо князъ Волконскій живетъ за границею и есть одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ „Освобожденія". Значитъ, вопросъ остается все-таки невыясненнымъ: что князь Волконскій пере-

I.

Вотъ что кн. Мещерскій пишетъ по поводу судебнаго приговора въ своемъ Дневникѣ (см. „Гражданинъ“ № 94); въ скобкахъ мои замѣчанія:

„Понедѣльникъ, 22-го ноября.

Ну, и сегодня происходила интересная жанровая картина современной жизни въ залѣ II отдѣленія окружнаго суда. Интересная, какъ праздникъ политическаго словожонглерства въ этомъ святилищѣ правды и правосудія, который былъ бы еще интереснѣе, если я своимъ присутствіемъ поддалъ бы жару и перцу Демосѳенамъ обвиненія. Я и собирался это сдѣлать, но, захворавъ, не могъ. Изъ суда получилъ запросъ: не отложить-ли засѣданіе? Я поспѣшилъ отвѣтить, что нѣтъ, ибо, напередъ знавши навѣрное, что меня не оправдаютъ, я былъ въ правѣ подумать, что чѣмъ скорѣе сіе случится, тѣмъ лучше . . . “ *).

„ . . . Главный гвоздь, на которомъ они (защитники) разыграли свою обвинительную ораторію, было обвиненіе меня чуть-ли не въ мошенничествѣ. Одинъ изъ Демосѳеновъ заявилъ, что я, дескать, получилъ отъ нѣкоего князя Волконскаго и по телеграфу и по почтѣ извѣщенія, что статью г. Стаховича передалъ для печатанія къ „Освобожденіе“ онъ, князь Григорій Волконскій, и что я получилъ его заявленія между моею первою статьею и между вторымъ „Дневникомъ“, въ которомъ я требовалъ отъ г. Стаховича, чтобы онъ честнымъ словомъ завѣрилъ, что онъ не посылалъ статьи въ „Освобожденіе“, чтобы я могъ отказаться отъ своего обвиненія, и умышленно эти заявленія князя Волконскаго утаилъ. А такъ какъ это обстоятельство никто не опровергъ съ моей стороны, то оно и послужило будто бы главнымъ мотивомъ къ обвиненію меня.

(Кто-же виноватъ, что кн. Мещерскій не явился въ судъ, не отложилъ засѣданіе и не опровергнулъ „это обстоятельсто“? Интересно было-бы узнать, какъ кн. Мещерскій думалъ опровергнуть на судѣ фактъ полученія письма и депеши, разъ что „нѣкій кн. Волконскій“ представилъ ихъ росписки съ датами.)

Такъ-ли это, подумалъ я: по-моему, былъ-ли бы этотъ эпизодъ или не былъ, все-равно меня обвили бы, тѣмъ болѣе, что, когда я

---

*) Пропускаю фразу о дамскихъ духахъ. Г. В.

А между тѣмъ, судъ какъ будто именно этому отводу глазъ повѣрилъ. Досадно.

Но самое пикантное въ этомъ процессѣ, какъ путаница понятій, въ которой совсѣмъ не разобраться, это — сопоставленіе двухъ положеній . . .

Одно заключается въ томъ, что на мой взглядъ, этотъ процессъ хотя и кончился признаніемъ меня клеветникомъ, но все же праздникъ на нашей улицѣ, а не на ихней, ибо устами своихъ обоихъ адвокатовъ г. Стаховичъ торжественно и всенародно объявилъ, что участіе въ „Освобожденіи" есть позоръ, что по нынѣшнимъ временамъ равносильно обвиненію его въ гнусномъ обскурантизмѣ и даже въ опричнинѣ!

(На сколько я понимаю, г. Стаховичъ находилъ несовмѣстимымъ участвовать въ не легальной газетѣ, находясь на службѣ. — Очень отрадно за кн. Мещерскаго, если онъ въ этой исторіи видитъ свой тріумфъ; за рѣдкость надо считать процессъ, который далъ полное удовлетвореніе обѣимъ сторонамъ. Но напрасно кн. Мещерскій говоритъ здѣсь отъ имени всей своей ретроградной улицы, едва-ли тамъ радуются, что вдохновителя туманныхъ реформъ г. фонъ-Плеве приговорили къ заключенію на гауптвахту.)

Но этотъ фактъ приходится согласовать съ заявленіемъ на судѣ адвокатовъ г. Стаховичъ о томъ, что если бы для пользы Россіи потребовалось, чтобы г. Стаховичъ отрекся отъ дворянства — онъ отрекся бы, если бы потребовалось его участіе въ „Освобожденіи" — онъ бы и на это пошелъ.

Пусть кто-нибудь поумнѣе меня согласитъ первое со вторымъ. Я только вижу въ этомъ, что даже въ святилищѣ правды и совѣсти, какимъ я считаю судъ, дешево стоитъ трудъ болтовни.

Очистилась-ли совѣсть этимъ судомъ г. Стаховича, это его дѣло . . .

Но я испытываю своего рода наслажденіе отъ права глядѣть съ поднятою головою всѣмъ въ глаза и сказать: хотя судъ и призналъ меня виновнымъ въ клеветѣ, при аплодисментахъ толпы моихъ друзей, но въ клеветѣ я не виновенъ." и т. д.

Затѣмъ кн. Мещерскій напечаталъ рядъ сочувственныхъ писемъ къ нему, въ которыхъ его почитатели возобновляютъ его инсинуаціи противъ г. Стаховича, а, главнымъ образомъ, прохаживаются на мой счетъ, черпая свои свѣдѣнія обо мнѣ и о процессѣ изъ статей кн. Мещерскаго; привожу здѣсь изъ всей этой дребедени самое типичное:

Въ письмѣ № 2 („Гражданинъ" № 95, стр. 20—21) ему пишутъ: „. . . Когда же появляется статья (а не рѣчь и не циркуляръ), да за подписью автора, то выводъ одинъ напрашивается, что, именно, жур-

далъ статью г. Стаховича въ руки г. Струве — это несомнѣнно; но кто же переслалъ ее князю Волконскому изъ Петербурга? На судѣ говорилось о томъ, что оттискъ статьи г. Стаховича въ редакціи журнала „Право“ кто-нибудь выкралъ и послалъ въ „Освобожденіе“. Но это явно неправда, ибо оттискъ былъ посланъ не въ редакцію „Освобожденія“, а князю Волконскому; а послать князю Волконскому за границу могъ только одинъ изъ его знакомыхъ. Значитъ, въ итогѣ, что же получается? Г. Стаховичъ не хочетъ давать честнаго слова, что не онъ отослалъ статью кн. Волконскому; а свидѣтели, выставленные г. Стаховичемъ, не хотятъ сказать, кто послалъ оттискъ статьи кн. Волконскому.

(Зачѣмъ мысли кн. Мещерскаго забрели въ „Лейпцигъ“ (!), совсѣмъ не понятно; не знаю, бывалъ-ли г. Струве въ Лейпцигѣ, но я тамъ ни разу не былъ, да и статью г. Стаховича я не „передавалъ г. Струве въ руки“, а переслалъ ее по почтѣ изъ Ментоны въ Штуттгартъ. Прибавлю, что причины частнаго характера побуждаютъ меня жить заграницею и что въѣздъ въ Россію мнѣ не запрещенъ. Постояннымъ сотрудникомъ „Освобожденія“ я не состою; съ Іюня 1904 г. я даже статей туда не посылалъ. И никто не пересылалъ мнѣ эту статью изъ Петербурга; никто, м. б., не выкрадывалъ оттиска „Права“; я не говорилъ, что это былъ оттискъ „Права“. Почему-же „только одинъ изъ моихъ знакомыхъ“ могъ мнѣ послать статью? Незнакомыя лица мнѣ тоже пишутъ. Въ итогѣ-же получается вовсе не то, что выводитъ Кн. Мещерскій; а получается, что г. Стаховичъ совершенно былъ правъ, не желая разговаривать съ ред. „Гражданина“, который не заблагоразсудилъ обратиться къ г. Стаховичу до своихъ статей противъ него. Я-же, какъ свидѣтель, не назвалъ лица, передавшаго мнѣ изъ рукъ въ руки оттискъ статьи оттого, что ни кн. Мещерскому, ни суду до этого дѣла нѣтъ; еслибъ судъ пожелалъ, для выясненія дѣла, узнать имя моего знакомаго, то я-бы назвалъ его; но для суда и такъ все дѣло оказалось яснымъ. Прибавлю, что еслибъ г. Стаховичъ обратился ко мнѣ съ тѣмъ-же требованіемъ, то его было-бы легко удовлетворить, — мой знакомый самъ все бы разсказалъ ему.)

Надѣюсь, что все это болѣе чѣмъ не ясно, но прямо темно, и вотъ, чтобы отвести глаза отъ этого напущеннаго мрака, адвокаты изобрѣтаютъ обвиненіе меня въ умышленной утайкѣ того письма кн. Волконскаго, которое говоритъ, что онъ передалъ письмо г. Струве, но вовсе не говоритъ, что г. Стаховичъ не посылалъ ему оттиска этой статьи.

(Настоящее заявленіе кн. Мещерскаго доказываетъ, что у него не только „смутно“ въ головѣ, но даже совсѣмъ темно стало, такъ какъ мое письмо къ нему говоритъ совсѣмъ обратное, а именно, что г. Стаховичъ „совершенно непричастенъ тому, что статья его, въ томъ или другомъ видѣ, дошла до меня“ (см. стр. 7).

А между тѣмъ, судъ какъ будто именно этому отводу глазъ повѣрилъ. Досадно.

Но самое пикантное въ этомъ процессѣ, какъ путаница понятій, въ которой совсѣмъ не разобраться, это — сопоставленіе двухъ положеній . . .

Одно заключается въ томъ, что на мой взглядъ, этотъ процессъ хотя и кончился признаніемъ меня клеветникомъ, но все же праздникъ на нашей улицѣ, а не на ихней, ибо устами своихъ обоихъ адвокатовъ г. Стаховичъ торжественно и всенародно объявилъ, что участіе въ „Освобожденіи" есть позоръ, что по нынѣшнимъ временамъ равносильно обвиненію его въ гнусномъ обскурантизмѣ и даже въ опричнинѣ!

(На сколько я понимаю, г. Стаховичъ находилъ несовмѣстимымъ участвовать въ не легальной газетѣ, находясь на службѣ. — Очень отрадно за кн. Мещерскаго, если онъ въ этой исторіи видитъ свой тріумфъ; за рѣдкость надо считать процессъ, который далъ полное удовлетвореніе обѣимъ сторонамъ. Но напрасно кн. Мещерскій говоритъ здѣсь отъ имени всей своей ретроградной улицы, едва-ли тамъ радуются, что вдохновителя туманныхъ реформъ г. фонъ-Плеве приговорили къ заключенію на гауптвахту.)

Но этотъ фактъ приходится согласовать съ заявленіемъ на судѣ адвокатовъ г. Стаховичв о томъ, что если бы для пользы Россіи потребовалось, чтобы г. Стаховичъ отрекся отъ дворянства — онъ отрекся бы, если бы потребовалось его участіе въ „Освобожденіи" — онъ бы и на это пошелъ.

Пусть кто-нибудь поумнѣе меня согласитъ первое со вторымъ. Я только вижу въ этомъ, что даже въ святилищѣ правды и совѣсти, какимъ я считаю судъ, дешево стоитъ трудъ болтовни.

Очистилась-ли совѣсть этимъ судомъ г. Стаховича, это его дѣло . . .

Но я испытываю своего рода наслажденіе отъ права глядѣть съ поднятою головою всѣмъ въ глаза и сказать: хотя судъ и призналъ меня виновнымъ въ клеветѣ, при аплодисментахъ толпы моихъ друзей, но въ клеветѣ я не виновенъ." и т. д.

Затѣмъ кн. Мещерскій напечаталъ рядъ сочувственныхъ писемъ къ нему, въ которыхъ его почитатели возобновляютъ его инсинуаціи противъ г. Стаховича, а, главнымъ образомъ, прохаживаются на мой счетъ, черпая свои свѣдѣнія обо мнѣ и о процессѣ изъ статей кн. Мещерскаго; привожу здѣсь изъ всей этой дребедени самое типичное:

Въ письмѣ № 2 („Гражданинъ" № 95, стр. 20—21) ему пишутъ: „. . . Когда же появляется статья (а не рѣчь и не циркуляръ), да за подписью автора, то выводъ одинъ напрашивается, что, именно, жур-

налъ имѣлъ такъ или иначе сношеніе съ авторомъ. И хотя приводились соображенія въ пользу того, что вы, имѣя въ карманѣ письмо Волконскаго, не могли не знать, что Стаховичъ не посылалъ статьи, однако, это письмо не могло имѣть въ вашихъ глазахъ абсолютной достовѣрности, и винить васъ за то, что вы ему не повѣрили, когда подпись Стаховича подъ статьей въ „Освобожденіи" являлась какъ бы формальнымъ неоспоримымъ доказательствомъ, — нельзя." — „... Для васъ подпись автора явилась какъ бы крѣпостнымъ документомъ, противъ котораго не допускаютя споры. Разъ налицо субъективное убѣжденіе въ томъ, что такой-то фактъ совершился, клеветы нѣтъ."

Въ письмѣ № 4: авторъ обращается къ г. Стаховичу: „Какъ-же ее (статью Стаховича) могъ послать Волконскій безъ вашего согласія? Конечно, не могъ безъ согласія послать чужую собственность. Да и гдѣ онъ могъ бы ее взять безъ вашего уполномочія. Логическій выводъ: Слѣдовательно, она послана въ революціонный журналъ или газету по вашему желанію и согласію, хотя, допустимъ, можетъ быть, и безъ вашего подписа подъ ней, и напечатана тамъ по вашему соизволенію."

Въ № 6: „Не все ли равно — самъ ли Стаховичъ послалъ свою подпольную прокламацію (! Г. В.) въ „Освобожденіе", или ее послалъ Волконскій, конечно, съ вѣдома Стаховича? Невѣденію Стаховича можетъ повѣрить развѣ гимназистъ второго классс" ... „Дѣло мерзское и скандальное, но скандальное не для васъ, князь, а для Стаховича и Волконскаго, поставившихъ свои имена рядомъ съ именемъ Струве и его подлымъ дѣтищемъ, „Освобожденіемъ".

Въ № 8: „Увѣренъ глубоко, что поганая статья, которую нельзя было прочитать въ судѣ при открытыхъ дверяхъ, М. Стаховича, попала за-границу въ вертепъ Струве съ мысленнаго согласія и по опредѣленію автора, съ свойственною находчивостью спрятавшагося за кн. Волконскаго, который такъ рыцарски закрылъ собою смѣлаго болтуна, безъ всякой язвы для себя за укрывательство, но при общемъ сознаніи, что статья эта, по своему содержанію, найдетъ дорогу въ притонъ революціи."

Въ письмѣ № I („Гражданинъ" № 98) говорится по поводу моего заявленія о непричастности г. Стаховича къ появленію его статьи: „на какомъ основаніи могъ бы онъ (Кн. Мещерскій) повѣрить князю Григорію Волконскому, который состоитъ постояннымъ сотрудникомъ того же „Освобожденія", статьи котораго появляются постоянно за его подписью (развѣ тоже подложною) въ томъ же изданіи, который 15 лѣтъ тому назадъ покинулъ родину, сохраняя съ ней только самыя поверхностныя и превратныя отношенія, и который, по его же словамъ, способенъ до такой степени злоупотреблять чужою подписью? По словамъ свидѣтеля Гессена, князь Григорій Волконскій никакого отношенія къ редакціи журнала „Право" не имѣетъ. Но онъ имѣетъ, къ сожалѣнію, сугубое отношеніе къ изданію „Освобожденіе", отъ чего онъ и самъ не отказывается. Въ чемъ-же, спрашивается, онъ удовлетворяетъ условіямъ того достовѣрнаго свидѣтеля, котораго показаніе способно измѣнить мнѣніе, основанное на

фактѣ?“ И далѣе опять та-же пѣсня о „подписи“ г. Стаховича: „Такъ или иначе, статья антиправительственная Стаховича, послѣ тщательныхъ, хотя и напрасныхъ, трудовъ его помѣстить ее въ Россіи, появилась заграницей, появилась въ революціонномъ изданіи „Освобожденіе“, появилась, допустимъ, помимо его, но за его подписью . . . . Вѣдь тогда-же бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ (который, конечно, не хотѣлъ оклеветать Стаховича, а руководствовался просто здравымъ смысломъ) высказалъ, что статья могла быть послана въ „Освобожденіе“ лишь редакціей „Права“ (которая справедливо это отрицала), либо самимъ Стаховичемъ (свидѣтель Гессенъ). А статья Стаховича въ „Освобожденіи“, за его подписью и безъ опроверженія этой подписи въ самомъ изданіи, появилась дѣйствительно; даже простого письменнаго отказа отъ этой подписи къ издателю „Гражданина“, какъ о томъ просилъ кн. Мещерскій, не послѣдовало; какъ же послѣ этого фактамъ не вѣрить и отказаться отъ того, что никакими годными средствами не опровергнуто.“

Письмо II-ое трактуетъ о моемъ участіи въ дѣлѣ, объ обстоятельствѣ, „ о разъясненіи котораго ни самъ г. Стаховичъ, ни его повѣренные, къ сожалѣнію, не позаботились . . .“ „Если участіе въ „Освобожденіи“ позорно, то что же онъ (г. Стаховичъ) сдѣлалъ и какимъ образомъ преслѣдовалъ князя Волконскаго, помѣстившаго его статью за его подписью въ этомъ журналѣ безъ его вѣдома и согласія? Повидимому, онъ могъ преслѣдовать его за кражу въ Штуттгартѣ (вѣдь, надо думать, и тамъ есть адвокаты, а кража чужихъ статей преслѣдуется и по иноземнымъ законамъ), могъ бы найти и иной способъ, весьма доступный и въ дворянскомъ быту крайне употребительный, получить отъ него удовлетвореніе; если, наконецъ, ни то, ни другое по какой бы то ни было причинѣ оказалось невозможнымъ, онъ не могъ бы торжественно и печатно заявить свое негодованіе за кражу его статьи человѣкомъ, давшимъ другимъ поводъ къ подозрѣнію его въ позорномъ поступкѣ. И прежде чѣмъ „отвѣчать предъ Государемъ“, не долженъ-ли былъ князь Волконскій отвѣтить предъ г. Стаховичемъ? Я не смѣлъ бы отрицать право г. Стаховича разсуждать совершенно иначе, если бы онъ не былъ предводителемъ дворянства. Къ сожалѣнію, я не орловскій дворянинъ и задать ему своего вопроса на дворянскомъ собраніи не могу. Прошу принять (и пр.) М. Говорухо-Отрокъ.“

Изъ письма № IV: „Ни приговоръ суда, ни рукоплесканія . . . (etc.) не поколебали среди русскихъ людей, преданныхъ Самодержавію, глубокой увѣренности въ вашей безусловной правотѣ, вашемъ честномъ, безкорыстномъ подвигѣ разоблаченія сотрудничества г. Стаховича въ революціонномъ изданіи . . . Мужайтесь же, князь, и да пошлетъ вамъ Господь Богъ еще многія лѣта ратовать въ защиту Престола и Отечества отъ внутреннихъ крамольниковъ.“

Письмо V-ое еще занимательнѣе: „Ваше Сіятельство, глубокоуважаемый Князь Владиміръ Петровичъ! Съ болью въ сердцѣ прочли мы, маленькіе дворяне, въ глухой провинціи объ осужденіи васъ по дѣлу Стаховича. Страшно становится жить!“ . . .

Изъ письма № VI: „Допустимъ, что статья та была отослана въ „Освобожденіе“ не самимъ Стаховичемъ, а Волконскимъ, тогда является вопросъ: почему же Стаховичъ привлекъ къ суду не его, Волконскаго, а васъ? Вѣдь, какъ хотите, а фамилія орловскаго губернскаго предводителя дворянства красуется на столбцахъ революціонной газеты и по сіе время не по вашей винѣ, а по винѣ Волконскаго, котораго, къ удивленію, Стаховичъ не думаетъ привлекать къ суду, что ему необходимо сдѣлать для доказательства своей непричастности къ „Освобожденію“ и тѣмъ самымъ разсѣять сомнѣніе у тѣхъ, которые ищутъ правды.“ — „Когда я прочелъ въ газетахъ о томъ, какъ рукоплескала въ залѣ суда враждебная вамъ толпа, меня охватило непріятное чувство“. — „Чѣмъ больше и громче кричитъ эта толпа о свободѣ и правдѣ, тѣмъ больше и больше въ душу простого смертнаго закрадывается тревожное чувство: а что если дѣйствительно она вымолитъ у нашего кроткаго Государя конституцію или что-либо подобное?“

Изъ № XI: „Есть-ли такая страна, государство въ Европѣ, гдѣ дозволялось бы безнаказанно воровство? И второй вопросъ: найдется ли въ мірѣ человѣкъ, который, не боясь отвѣтственности за появленіе его собственности въ запрещенномъ журналѣ противъ его желанія, не сталъ бы искать правосудія въ этой странѣ на лукаваго, хитраго обманщика-вора, какимъ невольно является г. Струве или кн. Волконскій, разъ они безъ вѣдома и согласія хозяина помѣстили статью Михаила Стаховича въ журналѣ „Освобожденіе“?“ Г. Евг. Грушецкій, подписавшій это письмо, убѣжденъ, что ред. „Осв.“ и я завѣдомо знали, что г. Стаховичъ не будетъ насъ преслѣдовать, „что могло быть только по соглашенію съ М. Стаховичемъ“, и онъ предлагаетъ г. Стаховичу призвать г. Струве и меня къ отвѣтственности.

Вотъ пока мои возраженія на всѣ эти вылазки противъ меня, по порядку №№-овъ. Ссылка на „подпись“ г. Стаховича въ № 2-мъ не имѣетъ смысла: статья его печаталась не какъ статья, присланная въ „Освобожденіе“, а какъ статья, не пропущенная въ Россіи, т. е. какъ документъ, въ которомъ подпись автора составляетъ неотъемлемую его часть; на это ясно указывалось въ предисловіи редакціи; говорить-же, что мое письмо къ кн. М. не заслуживало довѣрія, — равносильно произношенію голословныхъ бранныхъ словъ.

Затѣмъ, „Логическій выводъ“ № 4-го о томъ, что я не могъ послать „чужую собственность“ безъ согласія автора, меня вовсе не пугаетъ: я не могъ просить согласія г. Стаховича, т. к. согласія онъ дать не могъ и я уже сто разъ говорилъ, что послалъ его статью безъ его вѣдома,

оградивъ его имя такъ, что только люди совсѣмъ наивные могутъ искренно попрекать его за какую-то его „подпись“.

Почитатель № 6 не вѣритъ „невѣденію“ г. Стаховича; но т. к. судъ ему повѣрилъ, то № 6-ому можно не отвѣчать. „Скандалъ“-же не въ томъ заключается, что я послалъ статью въ „Освобожденіе“, а въ томъ, что въ Россіи ни о чемъ нельзя толкомъ написать. Такъ и письмо мое къ кн. Мещерскому осталось неизвѣстнымъ, и хотя оно было приведено въ „Освобожденіи“, газеты какъ „Нов. Вр.“ и „Русь“, обязанныя притворяться его невѣденіемъ, цитировали его послѣ процесса какъ-бы со слуха, приписывая мнѣ за-разъ нѣсколько версій той-же фразы; вотъ до какой комедіи доигралась легальная печать! Благодаря тому, что письмо мое не появилось въ легальной газетѣ и что моя записка въ „Право“ не читалась на судѣ, одинъ изъ почитателей кн. Мещерскаго, въ № 8, указываетъ на то, что я будто-бы поставилъ себя внѣ закона, укрываясь за границею; на самомъ дѣлѣ я до сихъ поръ пользуюсь „легальнымъ положеніемъ“, а заграницею живу оттого, что мое здоровье не переноситъ русской зимы, ѣздить-же на короткое лѣто въ Россію представляется мнѣ затруднительнымъ по причинамъ частнаго свойства.

Почитатель № I повторяетъ за Кн. Мещерскимъ, что я состою постояннымъ сотрудникомъ „Освобожденія“, — это не вѣрно; я посысалъ статьи или замѣтки въ „Осв.“, какъ и въ другія изданія, съ редакціей ничего общаго не имѣю, и настолько расхожусь съ ней въ нѣкоторыхъ принципіальныхъ и тактическихъ вопросахъ, что съ прошлаго лѣта не прибѣгалъ уже къ гостепріимству „Освобожденія“. — Онъ-же утверждаетъ, что я сохранилъ съ родиной „превратныя отношенія“,—что подъ этимъ подразумѣвается, не постигаю; чужою подписью я не злоупотреблялъ; ссылка автора этого письма № I на предположеніе покойнаго г. Плеве не есть доказательство.

Въ № II г. Стаховичу „предлагается преслѣдовать меня“ въ Штутгартѣ „за кражу“; стоитъ ли отвѣчать г. Говорухо-Отроку на эту выходку противъ меня? мнѣ легко было-бы доказать, что я не укралъ оттиска, что получилъ его изъ рукъ въ руки отъ знакомыхъ. Наконецъ, къ чему-же мнѣ заявлять, что я „отвѣчаю предъ г. Стаховичемъ“

— вѣдь это и такъ понятно; г. Стаховичъ можетъ поступить со мной какъ хочетъ, я не уклонюсь ни отъ объясненія съ нимъ, ни отъ дачи ему удовлетворенія, ни отъ суда. Но преслѣдовать меня окажется совсѣмъ лишнимъ, т. к. не я напечаталъ статью, а редакторъ „Осв.". Затѣмъ, никакой прокуроръ заграницей не допуститъ уголовнаго преслѣдованія, а исходъ гражданскаго иска былъ-бы едвали въ пользу автора статьи, т. к. его статья предназначалась для повременной печати (но только легальной) и не могла, по своему характеру, имѣть въ глазахъ г. Стаховича коммерческой цѣнности. Но, во всякомъ случаѣ, я вовсе не обязанъ отвѣчать на всѣ эти вопросы кн. Мещерскому, а судъ никакихъ подробностей отъ меня не требовалъ; для него дѣло и такъ оказалось вполнѣ яснымъ.

Въ № VI авторъ-почитатель спрашиваетъ, почему г. Стаховичъ привлекъ къ суду Кн. Мещерскаго, а не меня? Да вѣдь клеветалъ Мещерскій, а не я; а затѣмъ, г. Стаховичъ уѣхалъ на Дальній Востокъ не зная, что я замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, т. к. мое письмо къ нему опоздало на день или два, а кн. Мещерскій о моихъ письмахъ къ нему ничего не повѣдалъ, ибо въ головѣ у него было смутно.

На № VI уже отвѣчено, по существу, а на счетъ эпитета „лукаваго, хитраго обманщика-вора" (№ XI), пусть г. Грушецкій объяснитъ, какъ это можно стать „невольно" — хитрымъ и лукавымъ?..

Наконецъ, въ № 97 „Гражд.", въ статьѣ „О русской свиньѣ" (!) говорится: „Все равно, кто бы ни былъ этотъ русскій босякъ: титулованный графъ или князь, бѣжавшій изъ Россіи за границу, чтобъ разносить клевету на Россію, пропагандировать противъ нея злобу и ненависть" и т. д. А въ № 101 одинъ „дворянинъ" спрашиваетъ: **„Князь Волконскій — порядочный человѣкъ или нѣтъ? Если порядочный, то какъ онъ рѣшился помѣстить статью губернскаго предводителя дворянства и камергера Высочайшаго Двора въ революціонномъ органѣ безъ согласія автора?"** На эти вопросы давно уже отвѣтила моя записка въ „Право", приведенная въ настоящей брошюрѣ. — Еслибъ кн. Мещерскій сказалъ, что я распорядился чужою литературной собственностію, то онъ былъ-бы правъ; и тогда я нашелъ бы возможнымъ разъяснить ему причины, побудившія меня на подобный поступокъ.

Изъ числа этихъ писемъ надо выдѣлить письмо священника П. Левитскаго, въ № 103; въ этомъ короткомъ, простомъ и сердечномъ письмѣ Отецъ Левитскій предлагаетъ явиться въ Петербургъ для того только, чтобы отбыть за кн. Мещерскаго то наказаніе, къ которому присудилъ его судъ. — Отрадно видѣть въ носителѣ духовнаго сана подобный примѣръ христіанской любви и уваженія къ пострадавшему человѣку, но жаль только, что почитатель кн. М—го повѣрилъ его мистификаціямъ.

II.

Всеподданнѣйшее письмо отъ 10 Апрѣля 1903 г.

„**Ваше Императорское Величество**
Всемилостивѣйшій Государь!

„Повергая на благовоззрѣніе **Вашего Величества** мою брошюру, основная мысль которой — необходимость единенія Царя и народа помимо высшей бюрократіи, прошу дозволенія изложить передъ **Вашимъ Величествомъ** въ нѣсколькихъ словахъ мой взглядъ на необходимость коренной реформы нашего государственнаго строя, а также прошу дозволенія доложить **Вашему Величеству** почему Всемилостивѣйшій Манифестъ отъ 26-го Февраля 1903 г. неминуемо вызоветъ еще бо́льшую смуту среди подданныхъ.

Манифестъ начинаетъ съ того, что отрѣзываетъ, такъ сказать, Верховной Власти возможность поступиться самодержавіемъ; между тѣмъ подданнные **Вашего Величества** все болѣе убѣждаются въ томъ, что самодержавіе, силою вещей обратившееся въ самодержавіе чиновниковъ, поддерживается въ Россіи цѣной подавленія свободныхъ силъ страны, т. е. правъ личности и общества, безъ чего могущество и ростъ государства нынѣ немыслимы; самодержавіе невольно обезпечиваетъ министрамъ безконтрольность, которая ведетъ къ беззаконію, дошедшему нынѣ до послѣдней степени: временныя правила и циркуляры господствуютъ повсюду, равно какъ охранное положеніе и всесословная порка. Разореніе народа отзывается уже на внѣшнемъ положеніи имперіи, а его невѣжество, старательно оберегаемое высшей бюрократіей, стало страшнымъ оружіемъ противъ той же бюрократіи: какое-либо непонятое слово манифеста можетъ взволновать всю массу крестьянства.

Подданные **Вашего Величества** съ проскорбіемъ слышатъ съ высоты Престола укоръ за господствующую смуту,

сознавая, что смута эта, существующая уже 35 лѣтъ, вызвана неправильными взглядами и дѣйствіями правительства, которое съ 1864 г. препятствуетъ правильному развитію народной жизни. Манифестъ отъ 26-го Февраля, касаясь свободы совѣсти, сводитъ ее къ терпимому отношенію къ культамъ инославнымъ и иновѣрнымъ, но онъ не говоритъ объ имущественныхъ ограниченіяхъ католиковъ (т. е. „лицъ польскаго происхожденія"); онъ не касается стѣсненій протестантизма и не говоритъ о томъ, какія изъ сектъ будутъ считаться противоправительственными, и будетъ ли вмѣнено губернаторамъ въ обязанность не преслѣдовать сектантовъ, а защищать ихъ отъ преслѣдованій толпы и духовенства. Должно ли отступленіе отъ православія считаться преступленіемъ? *) Всемилостивѣйшій манифестъ не упоминаетъ ни одной реформы, которой съ нетерпѣніемъ ждутъ подданные **Вашего Величества**; въ моментъ, когда земство ждетъ необходимыхъ гарантій своей свободной дѣятельности, высшая бюрократія, подъ видомъ децентрализаціи, забираетъ жизнь провинціи въ свои руки.

Есть ли выходъ изъ созданнаго правительствомъ положенія и въ чемъ онъ долженъ заключаться?

Россіи необходимы: единеніе Царя и народа и переходъ къ правовому порядку; сломить чиновничество возможно,

---

*) *Примѣчаніе къ настоящему изданію:* Этотъ вопросъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ новымъ уголовнымъ уложеніемъ: отпаденіе отъ православія не считается болѣе за преступленіе, но законъ воспрещаетъ религіозную пропаганду среди православныхъ. Всѣ остальныя правовыя ограниченія инославныхъ и иновѣрныхъ остаются въ силѣ. Что-же касается вопроса относительно будущей роли губернаторовъ въ преслѣдованіи сектантовъ, то все его значеніе ярко подтверждается слѣдующимъ фактомъ: годъ спустя послѣ Манифеста 26-го Февраля, а именно 7-го Февраля 1904 года въ мѣстечкѣ Вязовкѣ, Черкасскаго уѣзда, Кіевской губ., крестьяне избили непринятыхъ сектантовъ Илью Мокѣевича Селянка и Луку Антоновича Хамко; Селянка на слѣдующій день, 8-го Февраля, въ 3 часа дня, скончался въ большихъ мученіяхъ. О всемъ случившемся крестьянинъ Сидоръ Лебединецъ лично подалъ 11-го Февраля письменное заявленіе Прокурору Кіевскаго Окр. Суда. Сектанты приписываютъ избіеніе своихъ братьевъ рѣчамъ священника Покровской церкви Василія Пащевскаго, который на собесѣдованіяхъ неоднократно грозилъ братьямъ заставить ихъ „силою" возвратиться въ православіе. — О подробностяхъ этого дѣла см. „Свободное Слово" (В. Черткова) № 11, 1904 г., стр. 8.

лишь противопоставивъ ему элементъ болѣе сильный, т. е. жизненныя силы страны, общественное мнѣніе и свободную печать: развитіе этихъ силъ возможно лишь при признаніи съ высоты Престола конституціоннаго принципа.

Эта коренная реформа можетъ быть и должна быть достигнута совокупностью трехъ мѣръ:

1. Слѣдуетъ немедленно уволить сановниковъ, министровъ и ихъ товарищей, стѣною обступившихъ Престолъ и мѣшающихъ единенію Царя съ народомъ, и замѣнить ихъ людьми молодыми, съ широкими взглядами, понимающими, что государство держится не бюрократіей, а общественной и частной инициативой. Такіе люди въ Россіи есть, и къ нимъ должно отнестись съ довѣріемъ. Эта мѣра сразу вернетъ Верховной Власти довѣріе подданныхъ.

2. Вторая мѣра будетъ заключаться въ объявленіи указовъ о реформахъ, объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, уравненіи крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, объ отмѣнѣ административной ссылки и амнистіи сосланныхъ, о назначеніи сенаторской ревизіи по виленскому дѣлу ген. фонъ-Валя, объ облегченіи цензуры и пр.

3. Третья мѣра — это обнародованіе Высочайшаго манифеста, предупреждающаго подданныхъ о томъ, что Сенатъ вскорѣ опубликуетъ постановленіе о созывѣ въ столицѣ Земскаго Собора.

Ежели **Вашему Императорскому Величеству** благоугодно было бы приказать мнѣ явиться въ С.-Петербургъ, я былъ бы счастливъ подтвердить и доказать все, что написано въ моей брошюрѣ.

Вашего Величества вѣрноподданный, состоящій въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ коллежскій регистраторъ

князь Григорій Михаиловичъ Волконскій.

10 Апрѣля нов. ст. 1903 г.
г. Ментона."

Письмо это, какъ извѣстно уже изъ моей „записки", было мною доставлено на имя В. Кн. Владиміра Александровича, 11 Апрѣля, въ Ниццѣ съ письмомъ къ нему и другими бумагами на Высочайшее имя. Я узналъ потомъ, что

Вел. Кн. говорилъ, что мое письмо къ нему онъ прочелъ, но все остальное выкинулъ въ корзину не читая. Изъ другаго источника мнѣ, однако, извѣстно, что Великій Князь прочелъ кое-что изъ моей брошюры и бросилъ, сказавъ: „Вздумалъ вотъ, — Россію спасать! . . .“ (В. Кн. В. А. вовсе не такой ретоградъ, какимъ его считаютъ; человѣкъ просвѣщенный и добрый, хотя нѣсколько деспотическаго характера, онъ сочувствуетъ реформамъ, но, кажется, полагаетъ возможнымъ ихъ осуществленіе при настоящемъ режимѣ. Пишу это ввиду распространившагося въ иностранной печати слуха о готовящихся покушеніяхъ на членовъ царской фамиліи.*)

Такъ какъ раньше уже нѣсколько лицъ отказывали мнѣ въ передачѣ Государю моей брошюры, то я поѣхалъ въ половинѣ Сентября въ Югенгеймъ, гдѣ дождался пріѣзда Государя въ Дармштадтъ. Затѣмъ, переѣхавъ въ городъ, я 4 Октября пошелъ къ министру Императорскаго Двора, изложилъ ему устно положеніе дѣла и вручилъ еми слѣдующее прошеніе:

---

*) Эта брошюра была уже набрана, когда разнеслась вѣсть о кровавой расправѣ, — едва-ли придуманной Великимъ Княземъ Владиміромъ — надъ безоружнымъ народомъ, съ пѣніемъ молитвы шедшимъ къ Царю-Защитнику. — Священники — убитый Сергій и раненый Гапонъ, ставшіе во главѣ рабочаго движенія —, вызываютъ образы монаховъ Осляби и Пересвѣта, подвизавшихся на поприщѣ строительства нашего царства... Эти Іереи жертвовали жизнью во славу православной церкви, въ защиту русскаго народа. Появленіе этихъ рясъ предъ солдатскими штыками останется живымъ укоромъ русской аристократіи, забывшей о рабочемъ народѣ. Я говорю такъ въ предположеніи, что посланія священника Гапона къ солдатамъ и рабочимъ суть апокрифы. — Я не постигаю, почему, если Государь не нашелъ возможнымъ снизойти на мольбу народа, — почему Онъ не выслалъ къ рабочимъ хотя бы флигель-адъютанта, который разъяснилъ-бы отцу Гапону неумѣстность настаиванія на вызовѣ Императора, принялъ-бы прошеніе, успокоилъ-бы рабочихъ именемъ Государя и предупредилъ-бы ихъ, что ихъ извѣстятъ о томъ, когда и гдѣ Государь приметъ столько-то рабочихъ делегатовъ. Но то, что произошло — не имѣетъ имени. Формальная ошибка о. Гапона блѣднѣетъ предъ той преступною глупостію и тѣмъ гнуснымъ преступленіемъ, съ которыми онъ столкнулся. И теперь, послѣ указа 12 Дек., Россія вновь отдается въ нечистыя руки администраціи. — Исторія извинитъ Императора Николая II, если узнаетъ, что Онъ во все время своего царствованія былъ плѣнникомъ людей, пагубно вліявшихъ на судьбы Россіи.

„Ваше Высокопревосходительство,

Обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой повергнуть къ стопамъ **Его Императерскаго Величества** мое ходатайство: удостоить меня всемилостивѣйшаго пріема, какъ вѣрноподданнаго, 16 лѣтъ проживающаго за границею и какъ автора брошюры: „Взглядъ на современное положеніе Россіи"; я былъ бы счастливъ изложить передъ **Его Императорскимъ Величествомъ** мои мысли о своевременности перехода къ представительному образу правленія и о настоятельной потребности включенія въ основные законы Имперіи гарантій, обезпечивающихъ права личности.

Примите, Ваше Высокопревосходительство, увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи.

Коллежскій регистраторъ
князь Григорій (Михаиловичъ) Волконскій.

Darmstadt, Hôtel Köhler.

4 Октября нов. ст. 1903 г."

Баронъ Фредериксъ предложилъ мнѣ тогда передать мою брошюру и затѣмъ выждать вызова, если таковой воспослѣдовалъ-бы; для этого я долженъ былъ оставить мой швейцарскій адресъ. М. б. министръ надѣялся, что я откажусь отъ своей мысли просить аудіенцію . . . Но я попросилъ потомъ гр. Гейдена предупредить министра, что я не уѣду изъ Д. до тѣхъ поръ, пока не получу отвѣта на мое прошеніе; 12 Октября я получилъ отъ флиг.-адъютанта капитана 1-го ранга гр. Гейдена письмо, въ которомъ говорилось:

„Многоуважаемый
Князь Григорій Михаиловичъ,

Министръ Императорскаго Двора Генералъ-Адъютантъ Баронъ Фредериксъ поручилъ мнѣ передать Вамъ, что брошюра Ваша представлена имъ Его Величеству, что же касается представленія Вашего, то Государь Императоръ не приметъ Васъ, поэтому Вы можете ѣхать."

Я отвѣтилъ графу, прося передать мою искреннюю благодарность Министру Имп. Двора, давшему хоть моему ходатайству, прибавивъ, что я очень счастливъ, что моя

брошюра была представлена Его Величеству и, конечно, глубоко сожалѣю, что Государь Императоръ меня не приметъ.

Со временемъ я разскажу о моей поѣздкѣ въ Дармштадтъ подробнѣе. Значеніе ея, по моему, заключается въ томъ, что неудовлетворительное положеніе дѣлъ въ Россіи было впервые оффиціально доведено до свѣденія Верховной Власти; прошеніе-же мое объ аудіенціи заключало въ себѣ въ двухъ словахъ всю суть ожидаемой въ Россіи реформы.

III.

Открытое письмо къ г. Министру Императорскаго Двора.

„Ваше Высокопревосходительство
Баронъ Владиміръ Борисовичъ!

Позвольте обратить Ваше вниманіе на грустный случай, разсказанный въ № 22 (46) „Освобожденія“, на стр. 396: тамъ помѣщено письмо П. Ф. Чеботарева къ своему сыну; онъ описываетъ въ этомъ письмѣ преслѣдованія, которымъ онъ подвергся со стороны судебныхъ и полицейскихъ властей 15 Ноября 1903 г., т. е. полтора мѣсяца послѣ того, какъ Вы передали Государю Императору, снисходя на мою просьбу, нѣсколько страницъ изъ № 3 (27) „Освобожденія“, заключавшія жалобу г. Чеботарева-отца г. Министру Юстиціи и письмо его сына объ избіеніи заключенныхъ въ С.-Петербургской „Выборгской“ тюрьмѣ.

Вы, конечно, помните нашъ получасовой разговоръ въ Вашемъ кабинетѣ въ Дармштадтѣ, по поводу моего ходатайства о всеподданнѣйшей аудіенціи: Вы сами предложили мнѣ представить Его Величеству мою брошюру и согласились передать также Государю дѣло о Чеботаревѣ; будучи незнакомы съ этимъ возмутительнымъ дѣломъ, Вы еще спросили меня: „Почему Вы думаете, что все это правда?“ — „Прочтите сами, Баронъ, — отвѣтилъ я Вамъ — и Вы убѣдитесь, что нельзя выдумать извѣстныхъ фактовъ, нельзя усумниться въ искренности, которою проникнутъ разсказъ.“ — „Хорошо, я передамъ“, были Ваши послѣднія слова. Вернувшись къ себѣ, я приготовилъ Вамъ всеподданнѣйшій экземпляръ моей брошюры, отмѣтивъ на поляхъ всѣ источники, изъ которыхъ были почерпнуты мои свѣдѣнія, и препроводилъ его къ Вамъ, вмѣстѣ съ дѣломъ Чеботарева.

И что-же? Чѣмъ объяснить, что положеніе семьи Чеботаревыхъ не улучшилось, а ухудшилось? Вѣдь, безконтрольность нашихъ вѣдомствъ, обезпеченная законодателемъ, только и мыслима при условіи, что Верховная Власть допускаетъ до себя жалобы на эти вѣдомства: но русскій народъ давно пришелъ къ убѣжденію, что „до Бога высоко, до Царя далеко“. . . .

Еще четверть вѣка назадъ ген.-ад. гр. Н. Игнатьевъ писалъ въ своей пространной всеподданнѣйшей запискѣ:

„Администрація недостаточно проникнута убѣжденіемъ, что она призвана служить дѣйствительнымъ государственнымъ и общественнымъ интересамъ, а не проводить личныя свои предвзятыя мысли и воззрѣнія. Губернскія и уѣздныя власти теряютъ изъ виду, что для достиженія дѣйствительной цѣли они должны привлекать сердца къ Государю, пріобрѣтать союзниковъ Императорскому Правительству, а не отталкивать отъ него людей честныхъ, хорошихъ, независимыхъ, трудящихся и самостоятельныхъ, но не преклоняющихся предъ своеволіемъ, самодурствомъ и фантазіями губернатора или чиновъ полиціи.“

Противъ этого мѣста доклада Императоръ Александръ II написалъ на поляхъ: „Да, а, къ сожалѣнію, мы видимъ весьма часто противное.“ („Всеподданнѣйшая записка отъ 9 Октября 1879 г. бывшаго Временн. Нижегородскаго Ген.-Губ.. Ген.-Ад. Гр. Н. Игнатьева, разсмотрѣнная Государемъ Императоромъ въ Ливадіи 29 Октября 1879 года и внесенная 9 Декабря Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ Комитетъ Министровъ по Высочайшему Повелѣнію Е. И. В.“)

Однако, какъ показываетъ дѣло Чеботаревыхъ (сына ни за что, ни про что избили, а 65-ти-лѣтнему его отцу предложили раздѣться до-гола, потому что у него нашли № „Освобожденія“!), мы за эти 25 лѣтъ пошли назадъ: неразумный характеръ дѣятельности губернскихъ и уѣздныхъ властей всецѣло переняли министры Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи.

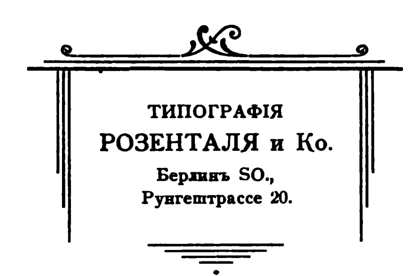
Защитите-же, Баронъ, семью Чеботаревыхъ отъ низкой мстительности г.г. Плеве и Муравьева и не взыщите, что я поставилъ Ваше почтенное имя во главѣ этого письма, желая обратить всеобщее вниманіе на это темное дѣло. И гдѣ же помѣстить мое письмо, какъ не въ заграничной газетѣ?

Нашумѣвшее дѣло о статьѣ М. А. Стаховича, незаконно остановленной нашей цензурой, достаточно доказываетъ, что долго еще въ русскихъ газетахъ нельзя будетъ писать правду, такъ какъ низшія власти идутъ наперекоръ закону и Высочайшей волѣ, выраженной представителямъ печати при пріемѣ г.г. Суворина и Столыпина.

Примите, Ваше Высокопревосходительство, увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи.

Кн. Г. Волконскій.

7 Мая (24 Апрѣля) 1904 г.“

ТИПОГРАФІЯ
РОЗЕНТАЛЯ и Ко.
Берлинъ SO.,
Рунгештрассе 20.

